

А.Ш. Кадырбаев (ИБ РАН)

НАРОДЫ ПРИАРАЛЬЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

(по письмам А.И. Бутакова 1848–1849 гг.)

Важная роль в первом комплексном изучении Приаралья принадлежит экспедиции на Аральское море в 1848–1849 гг. под командованием капитан-лейтенанта Алексея Ивановича Бутакова (1816–1869). Деятельность экспедиции проходила под патронажем Военного и Морского ведомств Российской империи. О значении для российского правительства аральской экспедиции свидетельствуют донесения А.И. Бутакова напрямую, минуя промежуточные инстанции, начальнику Главного Морского штаба А.С. Меньшикову и рапорты о ее результатах командира Отдельного Оренбургского корпуса генерала В.А. Обручева военному министру. Известно, что, основываясь на результатах исследований аральской экспедиции А.И. Бутакова, было составлено полное описание Аральского моря. За этот научный подвиг А.И. Бутаков был избран в 1853 г. почетным членом Берлинского географического общества, а в 1867 г. удостоен золотой медали Лондонского географического общества. Но значение аральской экспедиции А.И. Бутакова не исчерпывается экономическими, естественно-научными достижениями и географическими открытиями, когда были открыты два острова в Аральском море, проведена съемка его берегов, промеры глубины моря, и все это нанесено на карту. Не меньший интерес представляют наблюдения А.И. Бутакова, его заметки о военно-политической ситуации в Приаралье, о быте и культуре обитавших здесь народов, которые содержатся в его письмах, ныне хранящихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота. Этот ценный источник до последнего времени не привлекал внимания исследователей.

О личности А.И. Бутакова, впоследствии ставшего контр-адмиралом, гордостью Российского Военно-морского флота, следует сказать особо. Он относился к плеяде российских военных исследователей, которые внесли достойный вклад в изучение стран Востока. В XIX – начале XX в. исследования Азии велись в значительной степени по линии Военного и Морского министерств. В то время Морское ведомство оказалось заинтересованным в развитии научного и практического востоковедения. Хотя имя А.И. Бутакова как исследовате-

ля Аральского моря известно, его материалы по востоковедной тематике, а именно – истории, экономике, политике, культуре народов Центральной Азии вплоть до последнего времени оставались вне поля зрения научной общественности.

До начала экспедиции на Аральское море А.И. Бутаков еще юным гардемаринном и лейтенантом ходил в морские походы на Балтике от Кронштадта до Свенемюнде и Копенгагена, в 1840–1842 гг. совершил путешествие из Кронштадта на Камчатку и обратно. В его жизни было немало ярких страниц. В 1850 г. его командировали в Швецию, где на Мутальской верфи были построены два парохода для плавания по Аральскому морю. В 1853 г. он участвовал в осаде и взятии русскими войсками кокандской крепости Ак-Мечеть, в 1855 г. исследовал и описал Сыр-Дарью от урочища Кум-Сухта до ее устья, воевал против Хивы во время русского завоевания Средней Азии в 1859 г., командуя Аральской военной флотилией. В 1860 г. А.И. Бутакова командировали в Великобританию и Соединенные Штаты Северной Америки. В 1864 г. он продолжил изучение Сыр-Дарьи на 1500 верст от ее устья. Умер А.И. Бутаков в ореоле славы, осыпанный российскими и иностранными наградами. Но обессмертила его имя экспедиция на Аральское море в 1848–1849 гг.

Аральские экспедиции вели исследования в беспокойном тогда регионе. Члены экспедиции А.И. Бутакова находились в постоянной боевой готовности к отражению набегов со стороны ханов Хивы, настороженно и с тревогой следивших за продвижением Российской империи вглубь Средней Азии, а иногда и нападавших на российские укрепления. Это и произошло в 1847 и 1848 гг., когда хивинцы безуспешно пытались захватить у русских поселение Раим (ныне Казалинск). А.И. Бутаков, свидетель этих событий, следующим образом характеризовал российско-хивинские отношения: «...визирь Хивинского ханства писал Главному корпусному командиру (генералу В.А. Обручеву. – А.К.), требуя именем своего государя уничтожения Раимской крепости и в случае отказа “нас рассудит бог...”»¹. Ханом Хивы была сделана попытка создать антирос-

сийскую коалицию среднеазиатских государств. «По известиям из Бухары, хивинский хан приглашал бухарского эмира на союз и войну с Россией, но тот отказался наотрез. 24 апреля пришел из Хивы в Оренбург русский караван с известием, что хан велел выехать из своих владений всем русским, кроме двух приказчиков оренбургского купца Зайчикова, которого караван хивинцы разграбили нынешнею зимою; он держит их в плену, зная, что Зайчиков доставляет в Раим продовольствие и, вероятно, рассчитывает ослабить укрепление голодом...»². Вместе с тем А.И. Бутаков отмечает, что в это время российское правительство старалось избежать обострения отношений с Хивинским ханством: «Здесь, в Орске я получил свою инструкцию, которой техническую часть Владимир Афанасьевич (генерал Обручев. – А.К.) поручал составить мне и которая запрещает мне осмотр устьев Аму-Дарьи и южного берега Аральского моря – запрещение это последовало по ходатайству графа Нессельроде, чтобы не возбуждать опасений Хивинского правительства и не нарушить действующих с ним дружеских отношений...»³.

То, что казалось из Санкт-Петербурга российскому министру иностранных дел графу Нессельроде «дружескими отношениями», представлялось далеко не так А.И. Бутакову, который находился в гуще событий на границах российско-хивинских владений. Причем события драматических, подчас с кровавой развязкой: «...Во время моего пребывания здесь съёмочный отряд, производивший свои работы в Кара-Кумах, был несколько раз атакован хивинцами около переправы при Майли Баше (около 40 верст от Раима). Хивинцы хотели отрезать съёмочную партию, отдалявшуюся иногда на значительное расстояние от главного отряда, но всегда обращались в бегство при первых выстрелах наших казаков. На Майли Баше и около Кара-Тюбэ (недалеко отсюда) действительно места чрезвычайно удобные для заселения, с превосходною травой и всеми возможными угождями. После этих набегов в здешней части степи все было спокойно. Дней пять тому назад приехал в Раим приказчик купца Баранова, которого товары в Бухарском караване, идущем в Оренбург и состоящем из 3000 верблюдов. В караване едет Бухарский посланник, который везет Государю Императору в подарок слона, но имеет поручение, если верить словам приказчика, просить об уничтожении Раимской крепости. Хивинский хан, как слышно в Бухаре, раскаивается в нападении на наши транспортные отря-

ды. Из Хивы разнесся даже слух, будто бы 40000 русских высажено на одном из островов устья Аму[-Дарьи]. Приказчик приезжал сюда затем, чтобы просить пособить переправить караван через Сыр[-Дарью], к чему ему были немедленно даны все местные средства: послали две большие рыболовные лодки и несколько будар, к которым прикрепили настилку понтонного моста и устроили таким образом паром... С приближением весны гарнизон [Раима] нуждается в продовольствии, потому что караван здешнего купца Зайчикова разграблен хивинцами и киргизами (казахами. – А.К.). В высланном против них отряде из 50 казаков ранено 11 и убит один, лошади у всех переранены. Хотя киргизов было убито много, им удалось уйти с добычею...»⁴.

А.И. Бутаков не приукрашивает суровых будней войны, как бы нелицеприятно они не выглядели. Противника «не приказывал брать в плен, чтобы не держать лишнего караула, – говорил хорунжий (казачий офицер из Раимского гарнизона. – А.К.), – так мы и не брали, я из своих рук положил девятерых. К тому же казаки были на изнуренных лошадях, ослабевших до крайности от совершенного недостатка в сене, а киргизы были о двуконь. Из оставшихся в Раиме в прошлом году 800 лошадей уцелели едва 100, которых кормят весьма умеренной порцией овса и размолотым камышом»⁵.

В среде местного, преимущественно казахского, населения, шла борьба между сторонниками и противниками российского подданства, принимавшая порой характер вооруженного противостояния российским властям: «За Эмбу перешел весною киргизский барантовщик Исет Кутюбаров, взбунтовавшийся против султана-правителя, и опасались, чтобы он не соединился с хивинцами... Местность урочища Раима в военном отношении превосходная... три стороны его неприступны», поселение было построено «для подобных неприятелей, каковы и киргизы, и хивинцы»⁶.

Ко времени аральской экспедиции А.И. Бутакова в среде народов Приаралья – казахов, каракалпаков, туркмен, живших в атмосфере российско-хивинского соперничества, настроения стали склоняться в пользу России, а не Хивы. Причин здесь было несколько. Вне сомнения, очень весомой причиной усиления пророссийских настроений было могущество «Ак-Падша» – «белого падишаха», как «киргизы и хивинцы называют нашего царя», по свидетельству А.И. Бутакова. Но в еще большей степени переходу кочевых народов Приаралья

в российское подданство способствовала грабительская политика хивинских ханов по отношению к ним, тем более, что, с их точки зрения, хан Хивы, правивший тогда, не был законным правителем, поскольку не происходил, как того требовала традиция, из потомков Чингиз-хана, в отличие, например, от казахских султанов. В подтверждение могут служить сведения, приводимые А.И. Бутаковым: «Нынешней зимой был в Оренбурге (так мне отсюда писали) посол Хивы, именем хана настоятельно требовал от Государя Императора уничтожить Раимского, Перовского укреплений (так в оригинале. – А.К.), но получил из Санкт-Петербурга ответ: “Если русский государь построил где крепость, то не уничтожить ее ни по чьим требованиям. Укрепления эти имеют цель миролюбивую – покровительство против разбоев торговле и промыслам, а хану посоветовать, чтобы он взял глаза в зубы, и вспомнить, что права на его престол принадлежат не ему, а потомкам Чингиз-хана, которые кочуют теперь в степи мирными подданными России...”»⁷. А.И. Бутаков отмечает: «Вообще хивинский хан теперь в затруднительном положении: киргизы отказываются платить ему закят и все сближаются с русскими, торговля Хивы, которой главный сбыт шел с караванами в Россию, прекратилась; с приходивших прежде русских караванов хоть брал выгодную пошлину, которой теперь также лишился; неудачные походы против русских и персиян ослабили его военную силу и отняли у его шаек последнюю бодрость; накануне он рассорился с двумя своими важнейшими приверженцами, султаном Илькеем и батыром Исетом Кутюбаровым, который прошлой осенью передался ему от нас с карабашами (простолюдинами. – А.К.). О двух последних обстоятельствах киргизы рассказывают следующее. Султан Илькей перекочевал... в соседство Кокана (Кокандского ханства. – А.К.), где недавно умертвили хана. К Илькею пришли туда 700 хивинцев для сбора усиленного зяката. Он принял их весьма дружелюбно, дал им расположиться на свободе и, когда хивинцы отбросили всякую недоверчивость... напали на них врасплох и перерезали всех до одного... Исет Кутюбаров, угрожавший нам на Эмбе и изъявивший покорность Султану Правителю, которому заплатил кибиточный сбор, опасаясь тогда отряда подполковника... теперь, когда опасность миновала, собрал своих приверженцев и всех карабашей, и перекочевал к Хиве... К Исету Кутюбарову, зимовавшему около полуострова Куланды (на берегу моря), хан прислал в начале фе-

враля одного святого ходжу для сбора зяката и, в доказательство преданности батыра Исета, требовал, чтобы тот доставил ему несколько русских голов. Исет выругал святого ходжу и велел ему передать... и самому хану, говорил, между прочим: “Долго ли хан будет нас высасывать своими требованиями? Он уже рассорил вконец Сыр-Дарьинских киргизов, с которых ему взять нечего, и хочет довести до того же и нас? Если ему нужны русские головы, пусть он идет за ними сам, я очищаю ему дорогу вдоль моря (западного берега), и он не встретит там ни одного киргиза. Мы теперь русские и Вашего хана знать не хотим!” С этим вместе Исет послал приглашение к зимовавшим на Куч-Арале киргизам, чтоб они следовали его примеру... и направились вместе с ними по стовору в пески Малве Барсухи...”⁸.

Высказывания Исета Кутюбарова, одного из наиболее авторитетных предводителей приуральских и приаральских казахов, ранее доставлявшего немало проблем российским властям, свидетельствовали о нарастании симпатий к России в казахском обществе, равно как и действия Илькея в отношении хивинских сборщиков налогов и призывы Исета к отколке из-под контроля властей Хивы к другим казахским родам. Но хивинцы продолжали антироссийскую пропаганду, пытались склонить казахов на свою сторону, что чаще всего приводило к обратным результатам. «...Под защиту [Раимской] крепости уже приютилось 1000 семейств киргизов, перебравшихся на наш берег Сыр-Дарьи и разоренных последними барантами (баранта или барымта – отгон скота. – А.К.), но люди эти в самом жалком состоянии и не имеют ни лошадей, ни верблюдов, ни баранов... В Раиме живет султан Алтын, начальник здешних киргизов и к нему адресовались прокламации... Бюрю (хивинский подданный. – А.К.) писал: “Султану Алтыну, бию Кутбаю и всем нашим единоплеменникам желаю благополучия. Чего Вы ждете от этих неверных урусов? Если вы магометане, то присоединяйтесь к нам магометанам. Хивинский хан готов принять вас, он будет вас беречь, ласкать, не дозволит никому грабить и обижать вас, и вам будет хорошо. Если же вы сделали урусами, то мы вас знать не хотим. Тогда кровь и месть на Ваши головы!”»⁹

А.И. Бутаков был в курсе событий, происходивших тогда в Казахской степи и Хивинском ханстве, поскольку российские власти имели надежные источники информации в среде местного населения Приаралья. «...По доставленным киргизами сведениям, хан дей-

ствительно выступил было против наших укреплений, имея одну из главных целей – истребление судов, и уже был на урочище Дау-Кара, обыкновенном сборном пункте разбойничьего скопища хивинцев, но вскоре велел приехать за ним из Хивы; теперь с известия о прибытии туда посольства из Персии, требовавшего уплаты за все убытки, причиненные подданным шаха грабежами хивинцев, что вслед за посольством идет многочисленное войско, ожидающее только приказа начать военные действия. Обстоятельство это заставило хана поспешно воротиться в Хиву и отказаться от похода против нас... Не выдаю всех этих сведений как непреложную истину. Она основывается только на рассказах киргизов, между которыми сведения сообщаются чрезвычайно быстро и, вообще говоря, довольно верно. Хотя нападения хивинцев на Раим... остались бы, без всякого сомнения, бесплодными, но отдых, который они дадут киргизам, доведенным грабежами их до крайней степени нищеты, будет для этих несчастных истинным благодеянием...»¹⁰.

Как видно из писем А.И. Бутакова, на ситуацию в Приаралье, где русские создали плацдарм для успешного продвижения вглубь Средней Азии в последующие десятилетия XIX в., оказывали влияние и другие внешние силы. Но Персия не была единственным соперником России в Центральной Азии. Куда более значимую угрозу российским интересам в этом регионе создавали происки Великобритании, активизировавшей здесь в это время свою агентуру. А.И. Бутаков пишет по этому поводу: «Зима в здешних странах прошла без нападений... Слухи о них делались все реже и реже и, наконец, совсем замолкли. Из числа доставлявшихся сюда киргизами известий замечательно одно: около 16 марта приходил ко мне киргиз, вызвавшийся с другими, недавно приехавшими из Хивы, который рассказывал, что перед самым его выездом оттуда прибыли в Хиву ингилисы, спросить хана, желает ли он быть с ними в дружбе или нет? На вопрос о числе их, он отвечал, что, по рассказам, 1000 человек пехоты и 1000 конницы, и что они расположились в некотором расстоянии от города. Последнее, очевидно, выдумка, но пребывание в Хиве английских агентов кажется мне фактом несомненным, тем более, что киргизам не выдумать названия ингилисов, о которых они, вероятно, никогда не слыхали. Пришедший с этими... спрашивал у меня, есть ли на свете народ, называемый ингилисами, и говорил, что тот, кто сообщил ему это извест-

ие, и сам слышал об этом первый раз. Вероятно, эти англичане принадлежали к географической экспедиции, обозревающей Тибет и имеющей вместе с ученой и политическую цель»¹¹. Возможно, англичане имели определенное влияние на Хиву. В пользу этого предположения говорят строки из письма А.И. Бутакова: «В Оренбург прибыли 31 октября. Здесь ожидают теперь два отправленные в Санкт-Петербург посла Хивинского хана, который, по-видимому, значительно струсил или за которого, лучше сказать, трусят англичане...»¹².

Интересны сведения, приводимые в письмах А.И. Бутакова по этнографии и культуре народов Приаралья, в первую очередь о казахах. Сам А.И. Бутаков старался изучать местные языки. Как он писал, «очень хотелось выучиться по-татарски – это общий язык киргизов и башкиров... но не знаю, удастся ли. Немножко-то мы смыслим, прихрамывая на обе ноги, да мало. Говорят, что самый лучший учитель языков – женщины». В этом отношении А.И. Бутакову не повезло: «К сожалению, киргизки, приходящие сюда из ближайших аулов, так непростительно некрасивы, что влюбить в них физически невозможно»¹³. Интересно, что многие письма своим родителям А.И. Бутаков начинал с мусульманских приветствий и прощался, используя выражения на тюркских языках.

А.И. Бутаков проявлял больше интереса к Востоку, нежели к Западу. «Вообще говоря, здесь мало думают о Европе, у нас есть свои сородичи – Хива, Бухара, Кокан, а Европа для нас, степных среднеазиатов, нечто вроде сказочного, тридевятого государства. Какое нам дело, какие именно дела там? Нам занимательнее было слышать, что 7000 хивинцев пошло войной на Персию; что посланного в Питер бухарского посла эмир Бухарский хотел повесить за то, что, будучи директором монетного двора, посол чуть-чуть разбогател, потом он рассудил, что лучше отправит его послом, считая все издержки и подарки [посольства] за счет посла, не правда ли, милое изобретение? Посол повез царю слона в подарок от бухарского эмира», – писал А.И. Бутаков о нравах среднеазиатских правителей того времени. Он обратил внимание и на хозяйственную сторону жизни казахов, которые в Приаралье были не только скотоводами, но и хлебопашцами и рыбаками: «...Около устья много киргизских аулов, занимающихся рыбной ловлей и хлебопашеством. Вообще, киргизы поливают свои поля, напуская воду из реки канав-

ками... Арбузы так себе, но дыни обворожительные, так что я, не любитель фруктов, поглощал их с величайшим удовольствием. Киргизы, которые аулы по Сыру и в соседстве, также имеют бахчи, и у них дыни были также в большом изобилии и также отличные...»¹⁴.

Как отмечает А.И. Бутаков, казахи строили плотины на Сыр-Дарье: «Раимское укрепление находится на месте, образуемом окружающим Раимское урочище разливом Сыр-Дарьи, в котором наибольшая высота воды бывает летом, когда тронутся горные снега с верховьев. Киргизы удерживали эти разливы плотинами, так что место оставалось сухо...»¹⁵.

Не остались без внимания А.И. Бутакова традиции и нравы казахского общества. В частности, он отмечает поверхностную исламизацию казахов. Поэтому «прокламации Хивинского хана, которыми он старался возбудить против нас религиозный фанатизм киргизов, остались бесплодными. Вся религиозность киргизов заключается в том, что они не едят свинину, а о Коране слышали весьма немногие из них»¹⁶. Упоминается существовавший у казахов обычай о выплате куна (материального возмещения) за убийство родственника убитого. «Около 20 декабря пришел в Раим из Бухары небольшой караван, из 19 верблюдов, с бухарскими коврами и халатами, и бумажной материей (матой), один верблюд был нагружен рисом, уроком и кишмишем, но эти последние припасы были отняты у хозяина каравана, бухарского киргиза, есаулами султана Илькея. Хозяин каравана приезжал также на Кос-Арал и на мой вопрос, что слышно о султани Бюрю, который, по дошедшим сюда слухам, казнен в Хиве, он отвечал, что Бюрю еще в Хиве, но заплатил кун родственникам убитых и ограбленных им осенью присырдарьинских киргизов...»¹⁷. Отмечает он и обычай умыкания невест: «Один из хивинских киргизов похитил каракалпачку и утек с нею из Хивинской земли на берега Сыр-Дарьи...»¹⁸.

Интересны сведения о популярности у казахов такой интеллектуальной игры, как шахматы: «С грядущим сюда транспортом я жду из Петербурга шахматы... В Раиме есть киргизский султан Алтын и один башкир, которые, как говорят, мастерски играют»¹⁹. Пишет А.И. Бутаков о семейных обрядах казахов, которые он наблюдал у своих казахских друзей. Он рассказывает о некоторых обычаях казахов не без добродушного юмора: «...Приятель мой Альмабет выдал дочь свою, юную Тутюх, за приятеля же моего Сакынбая, который был

женат на старшей сестре, за которую заплатил верблюда и лошадь, теперь, вследствие старшей сестры, он имеет право и на младшую сестру, за которую заплатил только барана и бычка. Здесь при свадьбах есть забавный обычай: на другой день брака к молодым приходят с визитом все знакомые ей [невесте] женщины, и эти приятельницы имеют право брать у молодых все, что им понравится. Так под Раимом женился мой приятель Бикмурза. У его кибитки была новая дверь. Султанша Алтынгазы, которой дверь эта понравилась, потребовала ее и взяла, несмотря на убеждение всех в необходимости двери самому хозяину, который просил ее взять что-нибудь другое. Как бы не так! Хочу дверь, да и только – и взяла дверь...»²⁰. А некоторые сцены, приводимые А.И. Бутаковым из быта казахов, не могут не вызывать улыбки: «...Киргизы, если они довольны вашим участием, начинают рыгать в доказательство своего удовольствия...»²¹.

О благотворном влиянии российского присутствия в Приарале на быт и культуру местных народов можно привести следующие строки в письмах А.И. Бутакова: «Пребывание наше здесь – истинное благодеяние для киргизов. Старший врач моего флота (фельдшер Истомин) вылечил многих больных, над которыми оказывались безактивными ворожбы баксы (казахские шаманы-знахари. – А.К.), хотя баксы и брал за лечение 1000 баранов, а лейб-медик мой лечил даром. Кроме того, они получают от наших разные тряпки. У солдат и матросов есть между ребятишками фавориты, которых они кормят и которых выучили креститься после обеда в казарме»²².

Как свидетельствуют письма, их автор был наделен не только полномочиями по исследованию Аральского моря. Вне сомнения, одной из его задач была работа с тайной российской агентурой в регионе с целью отслеживания военно-политической ситуации в Центральной Азии и влияния на нее в российских государственных интересах, с которой он успешно справлялся, обладая достоверной информацией. Так, он пишет по этому поводу: «Недавно был на Кач-Арале один киргиз, приехавший с Кувань-Дарьи. Он привез известие, что 7000 хивинцев отправились на войну с Персией, под началом того самого Нураддина, который 6 марта был под стенами Раима. Я упоминаю о походе хивинцев, в числе 7000 человек, в Персию. Сначала киргизы привезли в Раим известие, что хивинцы взяли приступом и разграбили город Мавер, после чего собираются идти для истребления степных укреплений

под предводительством самого хана, так как полководцы его отказываются идти против русских, имея в свежей памяти сильные и недавние неудачи подобных попыток; в последствии, однако, оказалось, что поход хивинцев против Персии был для них в высшей степени бедственным – их разбили подвластные Персии туркмены, так что весьма немногим из хивинцев удалось возвратиться в ханство. Один киргиз рассказывал мне, что вновь сформированная хивинская пехота была почти вся истреблена в этом походе; и что человек 200, возвращавшихся из набега, придя измученные и изнеможенные до крайности к одному весьма глубокому колодезю, бросились на него кучею для утоления жажды, от чего колодезь обвалился и все они погибли. Пришедшие после них беглецы принялись раскапывать этот колодезь – следующий был далеко оттуда – и нашли только трупы. Вообще Хива теперь в бедственном положении: в нынешнем году там был сильнейший неурожай; вторжение хивинцев в нашу часть степи было для них бедственно, и наконец не удался набег на персидские владения, из которых они всегда возвращались с богатой добычей всякого рода. Говорят, что хан отпустил пленных киргизов, захваченных нынешней весной и прошлогодней осенью»²³. Это решение хана Хивы было запоздалой мерой и не могло остановить нараставших симпатий приаральских казахов в пользу России, тем более, что хивинцы сделали этот шаг отнюдь не бескорыстно: «Для вырочки пленных киргизов, захваченных хивинцами в набеги осенью 1847 и весной 1848 гг., ходило в Хиву киргизское посольство с подарками, предложениями преданности и обещаниями платить закят. Хан, которому дорого стоили неудачные походы против русских и персиян в прошлом году, нуждался в зкяте, выпустил пленников, требуя, чтобы снаряжавшие посольство батыр Джан Ходжа (Жанхожа Нурмухамедов, известный персонаж казахской истории, заклятый враг хивинцев. – А.К.) и киргизы Дюрт-Каринского рода в течение 50 дней, “омочив наперед руки и ноги в крови неверных кяфиров, врагов благословенного Пророка”; в противном же случае, грех за кровь и слезы детей ваших падет на Вас, когда войны мои, с помощью Всемогущего Бога, растопчут их под копытами коней своих». Угрозы эти не подействовали: киргизы не переключиваются в хивинские владения, а напротив, откочевывают от них дальше на север, в пески или по сю сторону Сыра [Сыр-Дарья]»²⁴.

А.И. Бутаков зримо обозначил антихивинские настроения казахов и каракалпаков в своих письмах и донесениях как одно из необходимых условий для завоевания Россией Хивы: «Весьма значительное число киргизов и каракалпаков откочевало от ханства... Кочующие по Сыр-Дарье киргизы были ограблены 4 раза в течение 8 месяцев! И как ограблены! Хивинец угоняет и уничтожает все, чего не хочет и не может забрать с собою. Варварства этих разбойников превосходят всякое описание и завоевание Хивы нами было бы величайшим благоденствием для всех подданных хивинского хана. Бог весть, когда это будет! А дорога проложена, и могу сказать, проложено много. Стоит привести парохода два в 40 сил, уголь превосходный есть, да бросить человек 1000 на берега ханства у Аму-Дарьи, этого за глаза станет, потому что при первом появлении русских все киргизы, каракалпаки и большинство туркмен переходят к нам... Он [осведомитель] рассказал между прочим, что всю зиму отмаливали в мечетях [Хивы] от русского нашествия. Зело боялись. Теперь туда путь так проложен, что царю стоит только руку протянуть, чтобы накрыть это подлое разбойничье гнездо... Киргизы приезжали в Хиву около февраля нынешнего года и, как видно, стараются всеми силами найти всякий предлог к завоеванию нами Хивы»²⁵. Следует отметить, что все военно-политические прогнозы А.И. Бутакова оказались верными и Хива стала частью Российской империи даже быстрее, чем он предполагал, и во многом не без его участия.

Письма А.И. Бутакова из аральской экспедиции являются носителем важнейшей информации и предоставляют возможность под новым углом рассмотреть военно-политическую ситуацию в середине XIX в. в Центральной Азии, вопросы состояния международных отношений в данном регионе, а также в каком положении находились народы, здесь обитавшие. Письма показывают, насколько высока была общенаучная подготовленность офицеров Российского Военно-морского флота, ярким представителем которого был А.И. Бутаков, как досконально они разбирались не только в вопросах, имеющих отношение к флоту и военному делу, но и в вопросах внутренней и внешней политики региона, экономики, торговли, земледелия, в обычаях и традициях народов Приаралья. Отношение А.И. Бутакова к центральноазиатским народам проникнуто уважением к их культуре, лишено высокомерного культуртрегерства и ра-

систского предубеждения. Научное наследие А.И. Бутакова в целом и в его востоковедной части заслуживает глубокого изучения и издания.

Примечания

¹ *Калинин А.И.* О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40–50-х годах XIX в. // «Восточный Архив», № 4–5, 2000, с. 49–55; *Кадырбаев А.Ш.* Материалы Российского государственного архива Военно-морского флота об изучении и освоении Аральского моря российскими военными моряками в XIX веке // «Восточный Архив», № 10, 2003, с. 63–72; Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Фонд А.С. Меньшикова (19), оп. 2, д. 112, л. 5.

² РГА ВМФ. Ф. 19, оп. 2, д. 112, л. 5, 7.

³ Там же, л. 3–4.

⁴ Там же, л. 12.

⁵ Там же, л. 30.

⁶ Там же, л. 36.

⁷ Там же, л. 35.

⁸ Там же, л. 36.

⁹ Там же, л. 35.

¹⁰ Там же, л. 36.

¹¹ Там же, л. 38.

¹² Там же, л. 71.

¹³ Там же, л. 3–4.

¹⁴ Там же, л. 35.

¹⁵ Там же, л. 10.

¹⁶ Там же, л. 72.

¹⁷ Там же, л. 80.

¹⁸ Там же, л. 92.

¹⁹ Там же, л. 93.

²⁰ Там же, л. 79.

²¹ Там же, л. 8.

²² Там же, л. 83.

²³ Там же, л. 93.

²⁴ Там же, л. 83.

²⁵ Там же, л. 83.

